

СВЕЧА

Мерцая желтым язычком,
Свеча все больше оплывает.
Вот так и мы с тобой живем —
Душа горит и тело тает.

1926

* * *

Цветет и вырастает в эфир
Звезды семигранный кристалл,
Чтоб я этот призрачный мир
В подъятых руках осязал.

На пальцах летучий налет —
Пространства святая вода,
И острою льдинкой растет
На длинной ладони звезда.

Но мерно колышет эфир
Созвездия тающих тел,
Чтоб я этот призрачный мир
В руках удержать не сумел.

1926

* * *

Летийский ветер веет надо мной
Забвением и медленным блаженством.
— Куда идти с такою немотой,
С таким слепым, бесплодным совершенством.

Изнемогая, мертвенный гранит
Над мрачною водою холодеет.
— Пора, мой друг. Печальный город спит,
Редает ночь и улицы пустеют;

И — как тогда — сверкает голубой,
Прозрачный лед. Январь и ожиданье,
И над бессонной, медленной Невой
Твоей звезды далекое мерцанье.

1926

* * *

Погоди, погоди!
Ты ведь знаешь сама:
Это всё не для нас —
Петербург и зима,
Та высокая молодость на островах,
И ночные рассказы о крепких делах,
За метелью костры, за кострами Нева.
Ой, шальная, шальная моя голова,
Ой, широкие сани под шитым ковром,
Бубенцы и цыганские ночи вдвоем!

Только мне и осталось, что память одна,
Только черная память в стакане вина,
Да горячие песни о злобе моей,
Да веселые письма далеких друзей.
Даже сонная боль пережитого дня,
Даже имя твое покидает меня.

1927

МУЗЕ

Что мне пропитанный полынью ветер.
Что мне песок, впитавший за день солнце.
Что в зеркале поющем голубая
Двойная, отраженная звезда.

Нет имени блаженнее: Мария, —
Оно поет в волнах Архипелага,
Оно звенит, как парус напряженный
Семи рожденных небом островов.

Ты сном была и музыкою стала,
Стань именем и будь воспоминаньем
И смуглою девической ладонью
Коснись моих полуоткрытых глаз, —

Чтоб я увидел золотое небо,
Чтобы в расширенных зрачках любимой,
Как в зеркалах, возникло отраженье
Двойной звезды, ведущей корабли.

1928

* * *

Запомнили, похоронили
Широкий плёс и шорох тростника,
И тонешь ты в озерном, нежном иле,
Монашеская, тихая тоска.

Что помню я? Но в полумрак вечерний
Плывет заря, и сонные леса
Еще хранят последний стих вечерний
И хора медленные голоса.

И снятся мне прозрачные соборы, —
Отражены в озерах купола,
И ткут серебряные переборы
Волоколамские колокола.

1928

* * *

Ты горечью была, слепым,
Упрямым ядрышком миндальным,
Такою склянкою, таким
Расчетом в зеркальце вокзальном,

Чтобы раскрылся саквояж
Большого детского вокзала,
И ты воочью увидала
И чемодан, и столик наш,

Чтобы рассыпанный миндаль
Возрос коричневою горкой,
Или проникнул запах горький
В буфетный, кукольный хрусталь,

Чтобы, толкаясь и любя,
Кружиться в зеркальце вокзальном,
И было множество тебя,
По каждой в ядрышке миндальном.

1928

ХЛЕБ

Кирпичные, тяжелые амбары
Густым дыханьем напоили небо,
Под броней медной напрягались двери,
Не сдерживая гневного зерна.

Оно вскипало грузным водопадом
Под потолок, под балки, под просветы
Распахнутых отдушин, и вздувались
Беременные славою мешки.

Так жар дышал. Так жил амбар. Так мыши,
Как пыльные мешки, дышали жаром,
И полновесным жиром наливался
Сквозь душный полдень урожайный год.

Так набухали трюмы пароходов,
И грузчики бранились вперемешку
С толпой наплывшей. Так переливалось
Слепое солнце в масляной воде.

1928

* * *

Не уходи, огни купальской ночи
В неверном сердце накопили яд,
А в лес пойдешь, и на тебя глядят
Веселых ведьм украинские очи.

Я трижды был пред миром виноват.
Я слышал плач, но ты была невинна,
Я говорил с тобою, Катерина,
Как только перед смертью говорят.

И видел я: встает из черных вод,
Как папоротник, слабое сиянье,
И ты идешь или плывешь в тумане,
Или туман, как радуга, плывет.

Я в третий раз тебя не удержал.
И ты взлетала чайкою бездомной.
Я запер дверь и слышал ветер темный
И глиняные черепки считал.

1928

ПЕТР

Над мрачной рекой умирает гранит,
Над медными львами не движется воздух,
Твой город пустынен, твой город стоит
На льду, в слюдяных, немигающих звездах.

Ты в бронзу закован, и сердце под ней
Не бьется, смиренное северным веком, —
Здесь царствовал циркуль над грудой камней,
И царский отвес не дружил с человеком.

Гневливое море вставало и шло
Медведицей пьяной в гранитные сети.
Я понял, куда нас оно завело,
Томление ночи, слепое столетье.

Я видел: рука иностранца вела
Коня под уздцы на скалу, и немела
Простертая длань, и на плечи легла
Тяжелая бронза, сковавшая тело.

И море шумело и грызло гранит,
И грабили волны подвалы предместий,
И город был мезьтю и гневом залит,
И море три ночи взывало о мести.

Я видел тебя и с тобой говорил,
Вздымались копыта коня надо мною,
Ты братствовал с тьмой и не бросил удил
Над нищенским домом за темной Невою.

И снова блуждал обезумевший век,
И слушал с тревогой и непониманьем,
Как в полночь с собой говорит человек
И руки свои согревает дыханьем.

И город на льду, как на звездах, стоит,
И воздух звездою тяжелой сияет,
И стынет над черной водою гранит,
И полночь над площадью длань простирает.

1928

ОСЕНЬ

А. А. Альвингу

Твое изумление, или твое
Зияние гласных — какая награда
За меркнувшее бытие!

И сколько дыханья легкого дня,
И сколько высокого непониманья
Таится в тебе для меня,

Не осень, а голоса слабый испуг,
Сияние гласных в открытом эфире —
Что лед, ускользнувший из рук...

1928

* * *

А. А. Альвингу

Блеют овцы, суетится стадо,
Пробегают бешеные дни.
Век безумствует. Повремени,
Ни шуметь, ни причитать не надо.

Есть еще в руках широкий бич,
Все ворота наглухо закрыты,
И колы глубоко в землю врыты,
Чтоб овец привязывать и стричь.

1928